

Эмма Орчи
Коварство и честь
Серия «Перси Блейкни»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888547
Коварство и честь : роман / Баронесса Эмма Орчи: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083336-8

Аннотация

Приключения благородного англичанина Перси Блейкни по прозвищу Алый Первоцвет, спасающего ни в чем не повинных французов от гильотины Террора, и его обожаемой жены, прекрасной и смелой французской аристократки Маргариты продолжают.

Умный коварный агент тайной полиции Шовелен все-таки нашел слабое место у отважного Блейкни — ему удалось схватить Маргариту, и теперь он шантажирует Перси, требуя добровольно сдаться.

На что же готов Алый Первоцвет, чтобы спасти свою величайшую любовь? Пожертвует ли он ради любимой женщины не только жизнью, но и своей миссией?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Баронесса Эмма Орчи

Коварство и честь

Baroness Emma Orczy
THE TRIUMPH OF THE SCARLET PIMPERNEL

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств AP Watt Limited и The Van Lear Agency.

© Sara Orczy-Barstow Brown
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

Бессмертные звезды смотрят на нас подобно сверкающим глазам, полным безмерной жалости к участи рода людского.

Прошло много лет с тех пор, как обугленные руины мрачной Бастилии, каменного воплощения абсолютизма и автократии, стали символом победы человеческой воли и обозначили начало удивительной эры Свободы и Братства.

Но путь этот лежал через мученичество бесчисленных невинных жертв и привел к тирании олигархии, более строгой, более неумолимой и, главное, куда более жестокой, чем могли мечтать диктаторы Рима или Стамбула в своей безумной жажде власти. Это неизменно пробуждало в людях мечту о золотом веке, и поэтому завзятые демагоги никогда не уставали твердить: к золотому веку можно прийти через уничтожение аристократии, лишение людей титулов и богатства, через свержение монархии, изгнание священников и разрушение алтарей, через устранение власти Ассамблеи.

Они ни на минуту не прекращали проповедовать с пеной у рта, эти неутомимые ораторы! И люди следовали их наставлениям, смутно веря, что золотой век настанет очень скоро, в один прекрасный день, после того, как французская земля очистится от последних остатков прежней тирании, не ведая того, что при этом тысячи и десятки тысяч их сыновей и дочерей будут зверски убиты, а их обезглавленные тела станут ступеньками лестницы для равнодушных ног честолюбцев и карьеристов, которые, в свою очередь, погибнут, освободив дорогу для других демагогов и болтливых ораторов. Но потом и они неизбежно будут уничтожены, независимо от их пороков и добродетелей, поскольку самые их идеалы были ошибочными: фанатик Вернуа, безответственный Демулен, богохульник Шометт, гнусный, омерзительный Эбер, властолюбец Дантон. Все, все погибли, один за другим: жертвы собственной жадности и самомнения. Они убивали и, в свою очередь, были убиты. Они слепо наносили удары, как разъяренные звери, и большинство из них делали это из страха, что их тоже пожрут звери более яростные, чем они сами. Все погибли; но не прежде, чем их преступления навсегда запятнали то, что могло стать самой славной страницей в истории Франции, — ее борьбу за свободу. Из-за этих чудовищ — их было не так уж много, но они были очень активны — борьба, сама по себе возвышенная в своих идеалах, благородная по сути, стала ненавистной всему остальному человечеству.

Но, представ перед судом истории, что могут они сказать? Чем доказать свой патриотизм, чистоту своих намерений?

В этот апрельский день 1794-го, или второго года по новому календарю, восемь тысяч человек, мужчин, женщин и детей, были заточены во французских тюрьмах, переполнив камеры, не рассчитанные на такое количество арестантов. За последние три месяца четыре тысячи голов пали под ножом гильотины. Великие имена Франции — ее аристократы, ее законодатели, ее священнослужители, члены последнего парламента, светила науки, искусств, университетов, состоятельные люди, поэты, ученые — были силой вырваны из домов, церковей или убежищ, силой поставлены перед жалкой пародией на судей, осуждены и зверски убиты, и речь идет не об отдельных личностях — уничтожались целые семьи, целые роды, срубались древние генеалогические древа. Одни за несчастье оказаться правыми, другие потому, что имели неосторожность родиться титулованными, некоторые из-за вероисповедания, остальные — по причине свободомыслия. Один человек — за верность товарищу, другой — из-за предательства. Один за то, что открыл рот, другой за то, что придержал язык, третий — просто так, только из-за семейных связей, профессии или предков.

Много месяцев подряд во Франции убивали невиновных. Но потом среди казненных стали попадаться и сами убийцы. А народ, по-прежнему ожидавший пришествия золотого века, требовал все новых жертв, как аристократов, так и санкюлотов, и яростно завывал, предвкушая очередную бойню, считая ее справедливым возмездием.

Но в этой безумной оргии убийств и ненависти один человек упорно выживал, стоя в стороне от остальных, и обладал властью, которую вся стая бешеных, жаждущих крови волков не смела оспаривать. Жирондисты и якобинцы пали. Эбер, идол толпы, Дантон, ее герой и рупор, были безжалостно сброшены с тронов и отправлены на эшафот вместе с бывшими аристократами, дворянами, роялистами и изменниками. Но один человек оставался на своем месте, само спокойствие посреди бушующего урагана, абсолютно бескорыстный, нищий там, где другие жадно загребали богатства обеими руками, обожаемый, почти обожествляемый, зловещий, наводящий ужас на остальных, непоколебимый сфинкс — Робеспьер!

В то время Робеспьер был на пике популярности и власти. Два великих Комитета — общей безопасности и общественного спасения — склонились перед его желаниями, клубы, равно якобинцев и жирондистов, боготворили его, Конвент был битком набит рабами, покорными каждому его слову. Сторонники Дантона, приведенные к повиновению смелым ударом, пославшим их предводителя, их героя, их идола на гильотину, были подобны дереву, пораженному молнией в самый корень. Без Дантона, гиганта революции, вдохновителя Террора, бича Божия Конвента, их сила и энергия иссякли, атрофировались, а последние члены клуба страшились осуждения великого человека.

Робеспьер стал истинным хозяином Франции. Человек, посмевавшийся потащить единственного соперника на эшафот, был недосягаем для любых атак. Этим последним актом беспримерного деспотизма он обнажил тайны своей души, показал себя не только хищником, но и своекорыстным карьеристом. Какая-то часть его отчужденности, неподкупности исчезла под натиском вечно живущего в нем всепоглощающего честолюбия, в котором его до сих пор никто не осмеливался заподозрить. Но честолюбие — это порок, которому платит дань почти все человечество, и Робеспьер, одержав победу над единственным соперником в Конвенте, клубах и комитетах, всецело этому пороку отдался. Тиран, покорный своим ненасытным амбициям, породил тем самым рабов.

Слабые сердцем и духом, они мрачно размышляли о своих обидах, с тлеющим исподтишка гневом смотрели на никем не занятое место Дантона в Конвенте, на которое никто не смел посягнуть. Но они не шептались между собой, не строили заговоров и соглашались на любой декрет, любые меры, любые предложения, провозглашенные диктатором, державшим их жизни в ладони тонкой бескровной руки. Тем, кто единственным словом или жестом мог послать врага, хулителя, простого критика его действий на гильотину.

Глава 2

Глиняные ноги

На двадцать шестой день апреля 1794 года, названный, согласно новому календарю, седьмым флореаля второго года Республики, в маленькой комнате со спущенными шторами, на верхнем этаже дома улицы Ла-Планшетт на нищей окраине Парижа, собрались три женщины и один мужчина. Последний сидел в поставленном на возвышении кресле. Он был аккуратно и даже безупречно одет в темный фрак с белым жабо у горла и запястий, белые чулки и туфли с пряжками. Его волосы были закрыты париком мышиного цвета. Тонкие костлявые руки сцеплены на животе.

За возвышением находился занавес, разделявший комнату на две части. А перед ним в противоположных углах сидели на корточках две девушки в серых, льнувших к телу одеяниях, прижав ладони к бедрам. Волосы были распущены, подбородки — подняты, глаза устремлены в одну точку, тела застыли в некоем подобии медитации.

В центре комнаты стояла женщина, глядевшая в потолок. Руки были сложены на груди. Седые, висевшие прядями волосы были частично скрыты широкой летящей вуалью неопределенно-серого оттенка. С узких плеч прямыми, тяжелыми, бесформенными складками ниспадало нечто вроде мантии. Перед ней на маленьком столике, на подставке из черного дерева с искусной резьбой и перламутровыми инкрустациями, стоял большой хрустальный шар. Рядом с ним поблескивала маленькая металлическая шкатулка.

Над головой старухи висела отбрасывающая слабый свет масляная лампа, на которую был наброшен отрезок алого шелка, играющий роль абажура.

У стены выстроилось с полдюжины стульев, пол покрывал изношенный ковер. Кроме этого, из мебели был только сломанный шкаф.

В комнате стояла невыносимая духота. Шторы и портьеры на дверях были тяжелыми и плотными, почти не пропускавшими воздуха и непрозрачными для света.

Уставившаяся в потолок старуха заговорила глухим, монотонным голосом:

— Гражданин Робеспьер, избранник высочайшего, соизволил войти в скромное обиталище своей служанки. Что ему угодно сегодня?

— Тень Дантона преследует меня, — ответил Робеспьер, в чьем голосе тоже не слышалось интонаций, словно в этой спертой атмосфере не допускались никакие живые эмоции. — Не могла бы ты упокоить его навсегда?

Женщина вытянула руки. Складки шерстяной мантии свисали с плеч, до запястий и пола, так что в тусклом красном свете она казалась бесформенным, бестелесным серым призраком.

— Кровь! — взывала она странным, мертвенным голосом. — Кровь вокруг тебя, и кровь у ног твоих! Но не на главе твоей, о избранник Всемогущего! Твоим голосом говорит Тот, кто выше всех! Рука твоя держит меч Его отмщения. Я вижу, как ты идешь по морю крови, однако ноги твои белее лилий, а одеяния чисты, как только что выпавший снег. Прочь, силы зла! Прочь, вампиры и духи! Не позволяйте своему зловонному дыханию тревожить безмятежность нашей утренней звезды!

Девушки, подняв руки над головами, вторили заклинаниям:

— Прочь! Прочь, о духи!

Неожиданно из дальнего угла комнаты, погруженной в смутные тени, возникла маленькая фигурка молодого негра, с головы до ног облаченного в белое. В полумраке были видны только его одеяния и белки глаз. Впечатление было такое, словно у него нет ни ног, ни лица и тяжелый сосуд сам по себе плывет перед ним. Его появление было таким неожиданным и

пугающим, что мужчина на возвышении невольно вскрикнул. Появившийся будто из ниоткуда широкий ряд блестящих зубов еще больше усилил пугающее впечатление.

Оказалось, что он нес большую чашу из чеканной меди, которую и поставил на стол перед старухой, за шаром и шкатулкой. Колдунья открыла шкатулку, взяла щепотку коричневого порошка, зажав между большим и указательным пальцами, и, прежде чем бросить порошок в чашу, торжественно объявила:

— Из самого сердца Франции поднимается благовоние веры, надежды и любви!

Голубоватое пламя взвилось из глубин сосуда, осветив призрачным сиянием изможденное лицо старухи, круглую и ухмыляющуюся физиономию негра и блуждающими языками рассеяв окружающую тьму. В воздухе повеяло сладостным ароматом. Потом пламя снова угасло, оставив алый полумрак, казавшийся по контрасту еще более зловещим и таинственным, чем ранее.

Робеспьер не шевельнулся. Его безграничное тщеславие, ненасытное честолюбие ослепляли его, не давая увидеть всю абсурдность ситуации. Он глубоко вдохнул, словно наполняя все свое существо пьянящим благоуханием: недаром был всегда готов принять безграничное обожание своих преданных слуг и последователей.

Старая колдунья повторила свои заклинания и, взяв из шкатулки еще щепотку, бросила в сосуд и произнесла загробным голосом:

— Из сердец тех, кто боготворит тебя, поднимается благовоние их восхвалений!

Легкое белое пламя немедленно вырвалось из сосуда, неестественно ярко осветив темноту, и тут же исчезло. И в третий раз были произнесены мистические слова:

— Из сердца всей нации поднимается благоухание невыразимой радости по случаю триумфа твоего над врагами твоими!

На этот раз, однако, магический порошок не подействовал так же быстро, как в прошлые разы. Несколько секунд ничего не происходило, даже мрак вроде бы сгустился. Висевшая под потолком лампа словно бы погасла. По крайней мере так казалось диктатору, чьи нервы были натянуты до предела. Он восседал на троноподобном кресле, и костлявые руки, как когти хищной птицы, впились в подлокотники. Прищуренные глаза в упор смотрели на предсказательницу, которая, в свою очередь, уставилась на металлический сосуд, словно одним взглядом была способна исторгнуть кабалистическую тайну из его глубин.

Но тут из сосуда взметнулось ярко-красное пламя, и комната озарилась алым сиянием. Колдунья, наклонившаяся над импровизированным котлом, выглядела так, словно ее обдало свежей кровью. Даже глаза казались кроваво-красными, длинный горбатый нос бросал огромную черную тень на губы, искажая лицо, искривленное в мертвенной уродливой гримасе. Из глотки выдавливались странные звуки, похожие на хрип смертельно раненного животного.

— Красное... красное, — жаловалась она, и постепенно, по мере того как умирало пламя, слова становились более разборчивыми. Колдунья подняла хрустальный шар и пристально всмотрелась.

— Всегда алое, — медленно произнесла она. — Вчера я трижды гадала на имя нашего избранника... Трижды духи скрывали свою сущность в кроваво-красном пламени... Алое... всегда алое... не только кровь... но опасность... угроза смерти, которая придет через алое...

Робеспьер поднялся. Тонкие губы быстро бормотали проклятия. Девушки испуганно озирались, издавая нечто вроде заунывного воя. Только маленький чернокожий выглядел спокойным и, очевидно, наслаждался всей сценой. Белые зубы блестели в широкой улыбке.

— Хватит загадок, матушка! — нетерпеливо воскликнул наконец Робеспьер и, приблизившись к старухе, схватил ее за руку и низко наклонился, чтобы понять, что видела она в хрустальном шаре.

— Что ты там узрела? — резко бросил он.

Но она оттолкнула его, вперившись взглядом в шар.

— Красное... — продолжала бормотать она. — Алое... да, алое! И теперь оно принимает форму... алое... заслоняет избранного... форма становится отчетливее... Избранный кажется более тусклым...

И тут она пронзительно взвизгнула:

— Берегись! Берегись! Это алое приняло форму цветка... пять лепестков, я отчетливо вижу... А избанный исчез из вида...

— Проклятие! — воскликнул мужчина. — Что это за абсурд?! Ты дурачишь меня?!

— Никакого абсурда. Ты сам пришел к оракулу, ты, избанный французского народа, и оракул изрек. Берегись алого цветка, ибо он грозит тебе смертью!

Робеспьер попытался рассмеяться, но не смог.

— Кто-то заморочил голову, матушка, — выговорил он, тщетно стараясь говорить спокойно и размеренно, — сказками о таинственном англичанине, известном как Алый Первоцвет.

— Твой смертельный враг, о Посланец высочайшего! — торжественно заверила старая богохульница. — Далеко, в туманной Англии, он поклялся, что твоя смерть придет от его руки. Берегись...

— Это единственная опасность, которая мне угрожает? — спросил Робеспьер с деланно-беззаботным видом.

— Единственная, но величайшая, — стояла на своем старуха. — Не презирай ее лишь потому, что она кажется ничтожной и далекой.

— Я не презираю ее. Но и не собираюсь преувеличивать. Комар — неприятность, но не опасность.

— У комара может быть отравленное жало. Духи сказали свое слово. Прислушайся к их предостережению, о избанный народа. Уничтожь англичанина, пока он не уничтожил тебя!

— Вздор! — парировал Робеспьер, но, несмотря на жару и духоту, вздрогнул, как от холода. — Поскольку ты общаешься с духами, узнай, как мне этого добиться.

Женщина снова подняла шар на уровень груди и долго молча смотрела в него. Потом начала лихорадочно бормотать:

— Я ясно вижу алый цветок... маленький алый цветок... и вижу яркий свет, как ореол. Свет избранника. Он слепит... но алый цветок бросает на него адские тени.

— Спроси их, — повелительно перебил Робеспьер, — спроси своих духов, как мне одолеть врага.

— Я что-то вижу, — монотонно продолжала колдунья, не отводя взгляда от хрустального шара, — белое, розовое, нежное... это женщина.

— Женщина?

— Высокая и прекрасная... чужая в стране... с глазами темными как ночь и волосами черными как вороново крыло... да, это женщина... она стоит между светом и алым цветком. Берет цветок в руку... ласкает, поднимает к губам... ах! — торжествуя вскрикнула колдунья. — Она швыряет его, смятый, кровоточащий, во всепоглощающий свет... и теперь он лежит, поблекший, сломанный, раздавленный, а свет сияет все ярче и ослепительней, и отныне ничто не затмит его незапятнанную славу!

— Но женщина? Кто она? — не выдержал Робеспьер. — Как ее зовут?

— Духи не называют имен, — ответила ясновидящая. — Любая женщина с радостью станет твоей служанкой, о избанный Франции! Духи сказали все, — размеренно объявила она. — Спасение придет к тебе от руки женщины.

— А мой враг? — настаивал он. — Кому из нас двоих грозит теперь смерть, теперь, когда я предупрежден: моему врагу — англичанину или мне?

Старуха продолжала пророчествовать.

Робеспьер жадно вслушивался в каждое слово. Даже внешность его преобразилась. Его теперь испуганное выражение было таким контрастом его обычно холодному, бесстрастному лицу деспота, посылавшего людей на смерть своим обдуманым, расчетливым красноречием, одной властью своего присутствия!

Напрасно было бы искать некий потусторонний мотив, побудивший этого циничного человека просить совета у колдуньи. Но никто в то время не опровергал широко распространенного мнения, что Катрин Тео имела определенные сверхъестественные способности. И хотя философы восемнадцатого века расшатали основы религиозных представлений Средневековья, можно предположить, что в гигантской мясорубке этой кошмарной революции людям ничего не оставалось делать, как обратиться к мистике и непознанному в поисках утешения и прибежища от тяжелых бед и несчастий их повседневной жизни.

Катрин Тео была одной из многих, но в это время считалась самой сильной прорицательницей в Париже. Сама она полагала, что наделена даром предсказания, и ее фетишем был Робеспьер. В этом она по крайней мере была искренна. Свято верила, что он новый мессия, избранник Божий.

Она и во всеулышание провозгласила его таковым, и один из ее самых первых обращенных, бывший картезианский монах по имени Арль, заседавший в Конвенте рядом с великим человеком, нашептывал в его ухо вероломную лесть, постепенно мостившую дорогу в логово колдуньи.

То ли тщеславие, бывшее безграничным и, возможно, не имевшее себе равных, заставило Робеспьера поверить в собственную миссию посланца небес, то ли желание еще усилить свою популярность, подкрепив ее сверхъестественными силами... трудно сказать. Очевидно одно: он всецело предался чарам магии и каббалы. Позволил бесчисленным неопитам льстить и поклоняться себе. Они толпами валили в новый храм волшебства, то ли из мистического пыла, то ли в стремлении добиться своих целей, пресмыкаясь перед самым страшным во Франции человеком.

Катрин Тео все это время оставалась неподвижной, как застывшая статуя, и, казалось, размышляла над последним властным требованием избранного.

— Которому из нас двоих, — жестко спросил он, — сейчас грозит смерть: моему английскому врагу или мне?

В следующий момент она, словно осененная вдохновением, взяла из металлической шкатулки еще одну щепотку порошка. Блестящие черные глаза негра и полупрезрительный взгляд диктатора следили за каждым ее движением. Девушки заунывно запели. Стоило прорицательнице бросить порошок в металлическую чашу, как благоуханный дым взметнулся вверх и внутренняя сторона сосуда наполнилась золотистым сиянием. Дым поднимался спиралью, распространялся по душевной комнате, так что воздух сделался невыносимо тяжелым.

Диктатор Франции ощутил странное возбуждение, наполнявшее его с каждым вдохом. Ему показалось, что тело вдруг стало невесомым, словно он в самом деле был избранником Всемогущего и идиолом нации. И в этой невесомости он обрел безграничную силу! В ушах оглушительно жужжало, словно где-то пели трубы, грохотали барабаны, бьющие в унисон с его восторженным возбуждением, дающие необыкновенную мощь. Глаза, казалось, обзревали всех французов сразу, в белых одеяниях, с веревками на шеях, склонявшихся перед ним, подобно рабам, до самой земли. Он восседал на облаке, на золотом троне. В руке горел огненный скипетр, а под ногами лежал огромный алый цветок, сломанный и раздавленный. Голос сивиллы достиг его ушей, словно вышел из небесной трубы.

— Так будут корчиться помятые ногами избранника те, кто посмел бросить вызов силе его!

Возбуждение становилось все острее. Он ощущал, что поднимается вверх, высоко-высоко над облаками, пока не увидел далеко внизу мир размером с простой хрустальный шар! Голова касалась небесного портала, глаза взирали на собственное величие, уступавшее только величию Господа.

Наступила вечность.

Он был бессмертен.

Но внезапно сквозь таинственную музыку, звуки труб и хвалебные песни прорвался другой звук, странный и в то же время такой человеческий, что взывавший дух диктатора был немедленно сброшен на землю одним мощным ударом, оставившим его больным, слабым, с пересохшим горлом и горящими глазами. Он не мог стоять на ногах и упал бы, но негр поспешно выдвинул кресло, в которое Робеспьер и опустился, содрогаясь от ужаса.

И все же звук был достаточно безобиден — всего лишь взрыв смеха. Веселый и, казалось, бессмысленный, ничего более. Он едва слышно донесся из-за тяжелой портьеры и вывел из равновесия самого безжалостного в стране деспота. Испуганный и растерянный, он стал оглядываться. Ничто не изменилось с тех пор, как он бродил по Елисейским полям. Он по-прежнему в тесной темной комнате, где невозможно дышать. Вот возвышение, на котором он сидел. Женщины все так же выводили заунывную мелодию. Тут же стояла старая колдунья в бесформенном темном одеянии, спокойно устанавливая хрустальный шар на резное основание. Вот он, маленький негр, лукаво улыбающийся, вот металлический сосуд, масляная лампа, вытертый ковер. Неужели все это было сном наяву, грезой? Облака и трубы или этот взрыв смеха с необъяснимо странными, почти бессмысленными нотками в нем? Никто не выглядел испуганным: девушки пели, старуха мямлила неразборчивые указания черному помощнику, который пытался выглядеть серьезным, поскольку приходилось держать в узде свое озорное веселье.

— Что это было? — пробормотал наконец Робеспьер.

Старуха подняла глаза.

— Что это было, о избранник? — переспросила она.

— Я слышал звук, — выдавил он. — Смех... кто-то еще был в комнате?

Старуха пожала плечами.

— В приемной ждут люди, — беззаботно ответила она, — пока избранник не соизволит уйти. Они, как правило, набираются терпения и сидят молча. Но кто-то мог и рассмеяться.

Поскольку Робеспьер ничего не ответил, словно в нерешимости, она почтительнейшим образом осведомилась:

— Что будет угодно, о ты, любимец Франции?

— Ничего... ничего, — отмахнулся он, поднимаясь с кресла. — Я уйду.

Старуха подошла к нему и низко поклонилась. Девушки ударили лбами в пол. Избранник, в самой глубине души сознавая, что над ним потешаются, мрачно нахмурился.

— Пусть никто не ведает, что я здесь был, — повелительно бросил он.

— Только те, кто обожествляет тебя... — начала она.

— Знаю-знаю, — перебил он, но уже мягче, ибо ее беззастенчивая лесть успокоила расстроенные нервы. — Но у меня слишком много врагов... и ты тоже смотрела недоброжелательно... Нельзя позволить, чтобы враги проведали о нашей встрече.

— Клянусь тебе, могущественный господин, что твоя служанка будет беспрекословно тебе повиноваться.

— Вот и хорошо, — сухо обронил он. — Но твои адепты склонны к болтовне. Я не позволю трепать свое имя ради прославления твоей некромантии.

— Твое имя для моих слуг священо, — заверила старуха. — Так же священо, как твоя особа. Ты возродил истинную веру, ты защитник правого дела и верховный жрец новой религии. Мы всего лишь твои слуги и служанки, истово верующие.

Вся эта белиберда была благовонным бальзамом для безграничного тщеславия деспота. Его нетерпение исчезло вместе с мимолетным ужасом. Он стал добродушным и снисходительным.

Наконец старая колдунья так низко поклонилась, что почти распростерлась перед ним и, сжимая морщинистые руки, почтительно произнесла:

— Во имя твое, Франции, всего мира я умоляю тебя выслушать то, что открыли мне сегодня духи. Берегись опасности, грозящей тебе от Алого Первоцвета. Пусть твой могучий ум придумает средство уничтожить его. Не отказывайся от помощи женщины, поскольку духи объявили, что именно через нее придет твое спасение. Помни! Помни! — повторяла она с возрастающей серьезностью. — Когда-то женщина спасла целый мир. Женщина раздавила ногой змея! Пусть теперь женщина раздавит Алый Первоцвет. Помни!!

Она стала целовать его ноги, и он, в слепоте самомнения не замечая глупости этого фетишизма и собственного к нему отношения, поднял руку над головой, словно в благословении...

И без единого слова повернулся, чтобы уйти. Молодой негр принес ему плащ и шляпу. Он плотнее завернулся в плащ, надвинул шляпу на глаза в надежде остаться неузнанным и твердым шагом удалился.

Старая ведьма немного подождала, напрягая слух, чтобы уловить эхо последних шагов, после чего несколькими резкими словами и хлопком в ладоши отпустила служанок и негра. Девушки моментально превратились из жриц в обычных людей, широко зевнули и грациозными движениями поднялись с пола. Смеясь и треща, как выпущенные из клетки сороки, они поспешно выбежали через дверь в глубине комнаты.

Старуха снова стала ждать, безмолвно и неподвижно, пока все вновь не стало тихо. Только тогда она подошла к возвышению и откинула штору.

— Гражданин Шовелен! — властно окликнула она.

Из полутьмы выступил маленький тщедушный человек, одетый в черное. Единственными светлыми пятнами, несколько смягчавшими суровость облика, были волосы неопределенно-светлого оттенка и помятая сорочка.

— Ну? — сухо осведомился он.

— Удовлетворены? — нетерпеливо выпалила женщина. — Слышали, что я сказала?

— Слышал. Думаете, он последует совету?

— Уверена.

— Но почему прямо не назвать Терезу Кабаррюс? Тогда я по крайней мере мог быть уверен.

— Он мог испугаться, услышав истинное имя. Заподозрить меня в интриганстве. А мне нужно думать о своей репутации. Но помните, что я сказала: «Высокая и прекрасная... чужая в стране». Так что если вы потребуете помощи испанки...

— Обязательно, — энергично кивнул он и, словно успокаивая себя, добавил: — Тереза Кабаррюс — единственная знакомая мне женщина, которая действительно может помочь.

— Но вы не сумеете ее заставить, гражданин Шовелен, — возразила предсказательница.

Глаза гражданина Шовелена неожиданно зажглись былым огнем, как в те времена, когда у него было достаточно власти, чтобы потребовать согласия или сотрудничества мужчины, женщины или ребенка, на которого падал его оценивающий взгляд. Но вспышка погасла так же мгновенно, как возникла, и в следующую секунду перед старухой стоял согбенный, униженный человек.

— Мои друзья, которых у меня немного, — нетерпеливо выдохнул он, — и враги, которым несть числа, с радостью разделят вашу убежденность, матушка, в том, что гражданин

Шовелен ныне не способен склонить к согласию ни одного человека, и менее всего невесту могущественного Тальена.

— О, как вы можете так думать, — пробормотала колдунья.

— Я только надеюсь, матушка, — вкрадчиво заметил Шовелен, — что после сегодняшнего сеанса гражданин Робеспьер сам позаботится о том, чтобы Тереза Кабаррюс оказала мне необходимую помощь.

Катрин Тео пожала плечами.

— О, — сухо обронила она, — для Кабаррюс нет иного закона, кроме собственных капризов. А невеста Тальена почти недосыгаема.

— Почти, но не совершенно. Тальен человек влиятельный. Но и Дантон таковым был.

— Но Тальен в отличие от Дантона добродетелен.

— Но он трус. На него легко накинуть узду и вести за собой, как ягненка. Он вернулся из Бордо, пришилennyй к юбкам прекрасной испанки. Ему следовало покорить тамошних людишек огнем и террором, но по ее просьбам он проявил справедливость и даже милосердие. Немного критичнее рассмотреть его умеренные взгляды, акты его непатриотичного милосердия — и могущественный Тальен сам превратится в одного из «подозреваемых».

— И вы думаете, что тогда его прекрасная возлюбленная будет у вас в руках? — с мрачным сарказмом спросила женщина.

— Разумеется, — кивнул он, рассматривая с едкой улыбкой свои руки с длинными пальцами-когтями. — Тем более что Робеспьер, послушавшись совета матушки Тео, сам положит ее мне на ладонь.

Он был так уверен в себе, что Катрин не сочла нужным затевать спор. И снова пожала плечами:

— Ну... если вы довольны...

— Доволен, и очень, — кивнул он, сунув руку в нагрудный карман сюртука. Глаза старой карги жадно сверкнули. Шовелен извлек из кармана пачку банкнот, и Катрин немедленно протянула руку. Но прежде чем отдать деньги, он строго предупредил:

— Помните — молчание. И превыше всего — осмотрительность.

— Положитесь на меня, гражданин, — спокойно заверила предсказательница. — Я не собираюсь распускать язык.

Он не отдал ей деньги, а пренебрежительно швырнул их на стол. Но Катрин Тео было безразлично его презрение. Она спокойно взяла деньги и спрятала их в складках своего просторного одеяния. Но когда Шовелен без единого слова повернулся, чтобы направиться к выходу, она бесцеремонно положила на его плечо костлявую руку.

— И я уверена, что могу положиться на вас, гражданин, — твердо заявила она, — и когда Алый Первоцвет будет пойман...

— Вы получите десять тысяч ливров, — нетерпеливо перебил он, — если мой план с Терезой Кабаррюс удастся. Я всегда держу слово.

— Как и я, — сухо заключила она. — Мы зависим друг от друга, гражданин Шовелен. Вы хотите поймать английского шпиона, я хочу заработать десять тысяч ливров, чтобы уйти на покой и спокойно сажать капусту где-нибудь на солнышке. Так что предоставьте все мне, друг мой. Я не дам покоя великому Робеспьеру, пока он не склонит Терезу вам помочь. Тогда можете использовать ее как считаете нужным. Шайку английских шпионов нужно разоблачить и раздавить. Нельзя, чтобы избраннику Высочайшего угрожала подобная шваль. Десять тысяч ливров, говорите?

И снова, как в присутствии Робеспьера, ее душой, казалось, завладело мистическое возбуждение. Глаза, только сейчас алчно блестящие, погасли. Морщинистое лицо преобразилось, усохшее тело приобрело величие статуи.

— Я буду служить вам, стоя на коленях, если вы устраните алую опасность, которая нависла над головой избранника Франции.

Но Шовелен, очевидно, был не в настроении слушать сетования старухи, и когда она снова стала впадать в истерический транс, восхваляя Робеспьера, которому слепо поклонялась, он резко отстранил ее руку и, не тратя лишних слов, быстро вышел.

Глава 3

Братство скорби

Часа два спустя в приемной хранилища тайн Катрин Тео сидели с полдюжины посетителей. Комната была длинной, узкой и совсем голой, с бесцветными сырыми стенами, и, если не считать грубо сколоченных деревянных скамей, на которых расположились люди, другой мебели не было. Скамьи стояли вдоль стен: единственное окно в конце длинной комнаты было закрыто ставнями, не пропускающими дневного цвета. С потолка свисала поломанная люстра из кованого железа. В ней горела пара высоких сальных свечей, дым от которых причудливыми спиралями поднимался к низкому закопченному потолку.

Люди, сидевшие или лежавшие на скамьях, не разговаривали друг с другом и, казалось, чего-то ждали. Только двое спали, остальные время от времени пробуждались от апатии, встряхивались и устремляли взоры в направлении тяжелой портьеры, но потом вновь попадали в тяжелый ступор, и молчание, странное, мертвенное, воцарялось вновь. Иногда кто-то вздыхал, спящие временами всхрапывали.

Где-то вдали церковный колокол пробил шесть раз.

Через несколько минут портьера поднялась, и в комнату вошла девушка. Она придерживала шаль, туго обтянувшую худенькие плечи. Ножки, видневшиеся из-под грубой шерстяной юбки, были обуты в поношенные башмаки. Мягкие белокурые волосы закрывал белый муслиновый чепец, большие серые глаза были полны слез. Она быстро, не глядя по сторонам, пересекла комнату, двигаясь как во сне.

Ее внезапное появление ни в малейшей степени не потревожило ожидавших. Только один неуклюжий на вид гигант, с длинными, вытянутыми едва ли не на середину комнаты ногами, лениво оглядел девушку.

Прошло еще несколько минут. Дверь за портьерой открылась, и мертвенный голос глухо обронил одно слово:

— Войдите.

Среди посетителей наметилось некоторое оживление. Со скамьи поднялась женщина.

— Моя очередь, полагаю, — мрачно пробормотала она и, заскользив по комнате подобно бестелесному призраку, растворилась за портьерой.

— Вы идете сегодня вечером на ужин братства, гражданин Ланглуа? — спросил гигант после ухода женщины. Говорил он, казалось, с трудом, хрипло, с болезненным усилием. С каждым словом в широченной груди слышался свист.

— Только не я, — откликнулся Ланглуа. — Мне нужно потолковать с матушкой Тео. Жена взяла с меня слово. Она слишком больна, чтобы прийти. Бедняжка верит в заклинания Тео.

— Давайте выйдем, подышим свежим воздухом. Здесь так душно.

В темной дымной комнате действительно было нечем дышать. Гигант прижал к груди руку, стараясь подавить болезненный спазм. Жуткий хриплый кашель сотряс его большое тело. На лбу выступили капли пота. Ланглуа, коротышка с морщинистым лицом, сам выглядевший так, будто стоит одной ногой в могиле, терпеливо переждал, пока кончится приступ, после чего с равнодушием, необычным в эти смутные времена, заметил:

— Лучше посидеть здесь, чем изнашивать подошвы на булыжниках в этой Богом забытой дыре. И я не хочу пропустить очередь к матушке Тео.

— Придется ждать не менее четырех часов в этой загаженной атмосфере.